

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА «БЕДНЫЕ ЛЮДИ»)

В. А. Андросов

Львовский национальный университет им. И. Я. Франко

Реферат. Проблема изучения человеческих эмоций и языковых средств их выражения в дискурсе Ф. Достоевского приобрела особую актуальность в современной лингвистике и литературоведении, главным образом, в связи с активными исследованиями в сфере когнитивного языкознания. Однако многие основополагающие проблемы, связанные с ролью эмотивных конструкций в дискурсе писателя, их семантической классификацией и выявлением их функциональных особенностей, остаются нерешенными. Прежде всего, речь идет о выявлении особенностей концептуализации эмоций Ф. Достоевским, семантической структуры и специфики функционирования эмотивов в рамках художественного дискурса писателя.

Ключевые слова: художественный дискурс, идиостиль, языковая картина мира, эмотивная конструкция.

Романная проза Ф. М. Достоевского представляет собой знаковое явление в русской литературе XIX века. Новейшие тенденции в интерпретации творческого наследия Достоевского, в особенности, религиозно-философских аспектов творчества писателя, объективное изучение которых в отечественной науке было до недавнего времени невозможным в силу политических, идеологических и социально-экономических причин, свидетельствуют о повышении интереса к этому наследию, сопровождающемуся дальнейшей детализацией проблематики достоевведения.

На сегодняшний день вопросы концептуализации эмоций в русском языке, в целом, и особенности функционирования эмотивной лексики в художественном дискурсе Ф. М. Достоевского, в частности, исследуются как отечественными учеными (Н. Д. Арутюнова [1], Ю. Н. Караулов [2]), так и представителями зарубежной науки (Джанлоренцо Пачини [3]). В их работах представлены новейшие подходы к исследованию авторской языковой картины мира Достоевского.

Прежде всего, представляется существенным отметить некоторые глубинные текстоорождающие доминанты и константы, характеризующие языковую личность Ф. Достоевского. Среди подобных доминант исследовательница Е. Быстрова называет христоцентричность, контрадикторность, «тяготение к внесознательному» [4].

Роман «Бедные люди» написан в значительной мере под влиянием концепции «христианского натурализма». В. Зеньковский определяет этот термин как «христианство без Голгофы», которое предполагает «отвержение учения о «радикальном зле» человеческой природы [...] отвержение доктрины первородного греха и доктрины искупления и спасения, во Христе принесенного людям» [5, с. 397]. Благодаря общей подчеркнутой экспрессивности, порой доходящей до экстазма (что в целом противоречит христианской установке на самодисциплину), манеры письма, избранной автором, переписка Макара Деушкина с Варварой Доброселовой представляет значительный интерес для изучения человеческих эмоций и языковых средств их выражения.

При рассмотрении и анализе характерных черт мировоззренческих и идеологических установок автора Ф. Достоевского мы опирались на понимание текста как художественного дискурса, отражающего жанровые, стилистические и культурологические особенности творчества автора. Под дискурсом в данном случае понимается связанный текст в совокупности с экстралингвистическими — прагматическими,

социокультурними, психологічними і другими факторами (речь, «погружённая в жизнь» — Н. Арутюнова).

Цель настоящего исследования — выявить особенности функционирования эмотивной лексики в тексте романа «Бедные люди» в их обусловленности мировоззренческими доминантами и константами автора.

А. Вежбицкая считает эмоциональность одной из наиболее характерных особенностей русского национального характера. По мнению ученой, при исследовании эмоций следует опираться прежде всего на эмоциональные концепты, выражаемые в том или ином языке [6, с. 34].

«Словарь русского языка» С. И. Ожегова определяет эмоцию как «душевное переживание, чувство» [7, с. 892]. Важно отметить, что эмоции передают не объективные качества внеязыковой действительности, а значения этой действительности для деятельности говорящего, при чем, как правило, в данный момент.

В лингвистике определение понятия эмоции, как правило, не эксплицируется. Для настоящего исследования наибольший интерес представляют теоретические заключения таких ученых, как Ю. Д. Апресян [8], А. Вежбицкая [6], а также В. И. Шаховский [9].

В. И. Шаховский считает эмоции «неотъемлемой частью человека и его речевой деятельности [...] одной из его важнейших характеристик, ибо через языковое выражение эмоций познается и сам человек как языковая личность» [9]. Эмоциональные переживания тесно связаны с познавательной деятельностью личности: «когнитивные процессы сопровождаются эмоциями, эмоции когнитивно осмысливаются» [9]. Таким образом, проблема изучения механизмов концептуализации, выражения и функционирования эмоциональных переживаний обретает особую значимость.

Механизмы образования эмоциональных концептов в современном русском литературном языке чрезвычайно разнообразны и используют возможности разных языковых уровней. Так, общепризнано, что определенную семантическую нагрузку могут нести т.н. суперсегментные единицы, к которым М. В. Панов относит слог, такт и фразу (синтагму) [10, с. 51]. Именно в рамках суперсегментных построений реализуются различные интонационные конструкции, способные выступать носителями эмоционально-экспрессивной окраски речи говорящего. Однако наши дальнейшие рассуждения сосредоточатся вокруг лексико-семантического аспекта концептуализации эмоций, который подразумевает анализ различных эмоционально-экспрессивных оттенков значения отдельных предикативных конструкций, употребляемых Ф. Достоевским в романе «Бедные люди».

В лингвистической литературе, посвященной интересующей нас тематике, выделяются эмоции позитивные (положительные) и негативные (отрицательные). Исследование соотношения этих двух групп в тексте Достоевского представляет определенные трудности: из-за исключительной активности и перенасыщенности эмоциональной жизни героев романа не всегда легко сразу определить, какими именно эмоциями – положительными или отрицательными – охвачен каждый из них в той или иной конкретной ситуации.

На основании количественного анализа нам удалось установить количественное преобладание в тексте романа «Бедные люди» слов, называющих негативные эмоции. Наиболее частотную группу здесь составляют конструкции, содержащие слово *грусть* и однокоренные: мы выявили 24 случая использования таких конструкций. Е. В. Урынсон характеризует грусть как «неприятное чувство, какое бывает, когда нет того, что человек хочет, и когда он думает, что желаемое невозможно» [11, с. 1165]. Интересно отметить, что в индивидуальной речи Макара Девушкина к понятию «грусть» примешивается определенный оттенок досады (неприятное чувство, возникающее под многократным или постоянным негативным воздействием со стороны другого человека, обстоятельств и т.п.) и стыда (чаще всего, за себя). Ср.:

Пришел я в грустном расположении духа домой... [12, с. 94] (грустное расположение вызвано видом нищих на улице и неприятными размышлениями о несправедливом социальном устройстве; при этом Макара как бы мимоходом отмечает, что у него с недавнего времени слог формируется, что указывает на его нереализованные писательские амбиции) или *вчерашнего дня я был сам не свой, ни на что и глядеть не хотелось; грусть, тоска такая напала!* [12, с. 96] (неприятные чувства посещают Макара на рабочем месте после того, как ему поручают выполнить важную работу). По мнению А. Чичерина, в Макаре «живет неосуществленный, задушенный бедностью и необразованностью настоящий писатель» [13, с. 183]. Именно это является главной предпосылкой его скрытых комплексов. Впрочем, данная тема требует отдельного исследования и освещения.

Что касается синонимичного слова *тоска*, нам удалось выявить 10 конструкций, содержащих это слово или однокоренные, причем 8 конструкций содержали существительное *тоска* и 2 – глагол *тосковать*. Е. В. Урынсон характеризует тоску как «интенсивное, длительное и глубокое переживание, которое может мыслиться и как общее состояние человека». В отличие от грусти, она воспринимается как физическая боль, иногда даже как болезнь: *Думаешь-думаешь, да и заплачешь тихонько с тоски...* [12, с. 21]; *Что же мне остается? Надрываться с тоски, глядя на вас обоих, сердечных* [12, с. 56].

Наконец, самые сильные переживания героев связаны с переживанием *страха*, *боязни*, *тревоги*, *волнения* и *смущения*. В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» дано следующее определение понятия *страх* (наряду с синонимами: *боязнь*, *испуг*, *ужас*, *паника*): «неприятное чувство или состояние, какое бывает, когда человек ощущает или считает, что он находится или может оказаться в опасной ситуации, над которой не имеет контроля» [11, с. 1109]. Из определения следует, что страх может быть как оправданным, подлинным, так и ложным, не мотивированным извне. Страхи Макара часто вызваны его скрытыми комплексами, бытовыми предрассудками, иногда – чувством вины: *боишься нос подчас показать - куда бы там ни было, потому что пересуда трепещешь* [12, с. 62]; *Я трепещу, когда подумаю, что его превосходительство могут такой беспорядок заметить да скажут - да что скажут!* [12, с. 76]; *Задрожало у меня сердце в груди, и уж сам не знаю, чего я испугался; только знаю то, что я так испугался, как никогда еще в жизни со мной не было* [12, с. 97]. Тревожные ощущения Вареньки в меньшей степени связаны с глубинными комплексами, чаще всего они мотивированы непосредственными переживаниями: *Мне стало отчего-то страшно, какой-то ужас напал на меня; воображение мое взволновано было ужасным сном* [12, с. 32]; *Последние происшествия и письма ваши испугали, поразили меня и повергли в недоумение* [12, с. 63].

Как отмечалось выше, в тексте романа «Бедные люди» эмотивы с отрицательными коннотациями преобладают над эмотивами с положительными коннотациями. На фоне личных и социальных неурядиц, глубоких разочарований и падений, отмеченных всплеском негативных эмоций, складывается впечатление, что такие чувства, как радость, веселье, удовлетворение или любовь, вовсе не находят места во внутреннем мире Макара, Вареньки и окружающих их людей. Однако впечатление это неверно; оба главных героя спешат поделиться друг с другом не только горестями, но и светлыми переживаниями.

Исследователи и комментаторы (в частности, Т. А. Касаткина) обращали внимание на предпринятую Макаром и Варенькой «попытку созидания рая... в заведомо неподходящих для этого условиях» [12, с. 401]. В свете соображений Касаткиной история героев романа предстает как поиск рая, утраченного после грехопадения, причем под «раем» (это слово не раз употреблено в самом тексте) здесь скорее всего понимается как состояние внутреннего равновесия, порядка, гармонии,

чувство соразмерности с окружающим миром. Ср. *Федора не нарадується; у нас теперь словно рай в комнате, - чисто, светло!* [12, с. 8]; *Правда, по утрам чадно немного, когда рыбу или говядину жарят, да и нальют и намочат везде, зато уж вечером рай* [12, с. 14]. Противоположное состояние обрисовывается понятиями «Ноев ковчег» и «содом»: *Порядку не спрашивайте - Ноев ковчег!* [12, с. 6]; *...удивляюсь, как в таком содоме семейные люди уживаются* [12, с. 15].

Обращает на себя внимание функционирование эмоционального концепта *счастье*. Мы выявили 9 случаев использования речевых конструкций со словом «счастье» и однокоренными с ним. По наблюдению А. Вежбицкой, счастье у славян (в отличие от американцев) – это «обозначение редких состояний полного блаженства или совершенного удовлетворения, получаемого от таких серьезных вещей, как любовь, семья, смысл жизни и т. п.» [6, с. 340]. Не удивительно поэтому, что Макар и Варенька крайне редко пользуются этим словом для характеристики своего внутреннего состояния или состояния окружающих. Его употребление, как правило, сигнализирует острую потребность в обретении равновесия или – реже – чувство такого обретения: *Вчера я был счастлив, чрезмерно счастлив, донельзя счастлив!* [12, с. 4]; *И мне кажется, я бы так была счастлива, если б пришлось хоть всю жизнь мою не выезжать из деревни и жить на одном месте* [12, с. 19].

Несколько чаще герои романа «Бедные люди» прибегают в своей переписке к понятию *радость*: нами выявлены 14 конструкций, содержащих это слово или однокоренные с ним. Ю. Апресян определяет *радость* как «приятное чувство, какое бывает, когда то, что субъект оценивает или ощущает, как хорошее для себя, имеет место» [11, с. 912]. Таким образом, радость в сравнении со счастьем предстает как более «слабое», «нетребовательное», «неприхотливое» состояние: для его реализации необходимо гораздо меньшее количество факторов: *...я с тайною радостью и с гордым удовольствием видела, что он из-за меня забывал свои несносные книги* [12, с. 33]; *Как она (Федора – В.А.) была рада, бедная, когда я ей три целковых дала!* [12, с. 59]; *Но сегодня свежее, яркое, блестящее утро... оживило меня, и я радостно его встретила* [12, с. 86]. Интересно, что именно радость нередко соотносится с концептом рая: *Федора не нарадується; у нас теперь словно рай в комнате, - чисто, светло!* [12, с. 8].

Наконец, самым неоднозначным, самым противоречивым из положительных (и по всей видимости, не только) чувств, эксплицированных в эпистолярной Макара Девушкина и Варвары Доброселовой, следует, на наш взгляд, считать *любовь*. Ранее обращалось внимание на то, насколько сдержанными, осторожными в проявлении любовных чувств могут быть Макар и Варенька. Они крайне редко используют слово *любовь* в отношении друг друга. Как правило, это слово входит в состав формул вежливости, за которыми, впрочем, время от времени скользит нечто большее. Ср. *Я только привязана к вам всею душою, люблю вас крепко, сильно, всем сердцем...* [12, с. 56]; *...я люблю вас и... вовсе не неблагоприятно мне было любить вас...* [12, с. 66]. Самуил Лурье усматривает в чувстве простодушного и самолюбивого Макара Алексеевича к Вареньке «что-то похожее на чувство любовника, - на чувство, которое он силится не признавать в себе, но которое у него против воли прорывается наружу и которое он не стал бы скрывать, если б заметил, что она смотрит на него не как на вовсе неуместное» [14, с. 182]. Именно это обстоятельство – обоюдное чувство, которое ищет выхода и в то же время не может быть высказано – во многом определяет динамику самого нарратива, а также помогает глубже разобраться в мире эмоций, охватывающих героев романа.

На основании подробного анализа отдельных из этих эмоций была произведена семантическая классификация эмотивов в тексте романа «Бедные люди». Следует также раскрыть некоторые особенности функционирования этих слов, проследить,

какие наиболее важные лингвистические и художественные задачи решаются посредством их введения в текст романа.

Языковые средства формирования индивидуальной картины мира, о которых шла речь ранее, могут проявляться не только на уровне авторского повествования, но также и речи персонажей его произведений. При этом надо учитывать, что в силу жанровых особенностей эпистолярный роман «Бедные люди» является своего рода «произведением в произведении». И Макар Девушкин, и Варвара Доброселова, независимо от того, осознают они это или нет, сами являются, наряду с Достоевским, полноправными писателями, «сотворцами» романного хронотопа, в который они в то же время погружены. Читатель воспринимает внешний и внутренний мир романа именно сквозь призму видения его протагонистов, отмеченного крайней эмоциональностью и экзотичностью.

Как и в случае с самим Достоевским, Макар и Варенька формируются и изменяются под влиянием собственного письма. Х. Блум в своей работе «Западный канон», отмечая склонность персонажей У. Шекспира к психической подвижности под влиянием самонаблюдения, констатирует чрезвычайное влияние этого художественного приема на последующую литературу и общественное сознание: «Нынче все мы только и делаем, что беспрестанно разговариваем с собой, вслушиваемся в собственные слова, обдумываем сказанное и действуем соответственно. Это не столько диалог ума с самим собой или, скажем, отголосок братоубийственной войны, разворачивающейся в психике, сколько влияние на жизнь литературы, какой она стала по необходимости. Шекспир расширяет функции художественной литературы, учившей нас, как разговаривать с другими, и возлагает на нее главенствующую отныне, хотя и не слишком веселую задачу: с появлением Фальстафа литература учит нас разговаривать с собой» [15, с. 56].

Подобно шекспировским Гамлету, Фальстафу, Эдмунду, Макбету и другим, герои Достоевского обнаруживают удивительную способность к самоанализу и психической эволюции. Значительную роль в этом играют переживаемые ими эмоциональные состояния. Стремясь дать друг другу подробный отчет о своих мыслях и чувствах, Макар и Варенька в то же время активно вслушиваются в них. Читая и перечитывая тетрадь с собственными воспоминаниями, постоянно размышляя о происходящем вокруг себя, пропуская события сквозь призму интуитивно-эмоционального мировоззрения (доминанта души и сердца), Варенька, как бы ей ни было грустно и тяжело, все же преодолевает чувство вины, некоторый комплекс неполноценности, обиды на «злых людей» и выходит из-под опеки Макара Алексеевича, находя в себе силы для крайне рискованного (возможно, рокового), однако самостоятельного выбора. В этом поступке чувствуется грядущая эстетическая мощь галереи «роковых женщин» Достоевского: Настасья Филипповна («Идиот»), Катерины Ивановны, Грушеньки («Братья Карамазовы»)...

В свою очередь, Макар также внутренне меняется под влиянием проговоренного, написанного и обдуманного: из «неосуществленного писателя», из подавленного собственными комплексами «эгоиста и мелкого тирана», в свое время «врезавшегося» в «актрисочку» и тайно помышлявшего о столь же неприглядной любовной аванюре с «ангельчиком»-Варенькой, он в финале романа вырастает в личность, способную сформировать и обобщить глубинные духовные порывы самого Достоевского. Образ «фальбалы», неотступно преследующий Макара Алексеевича при мысли о предстоящем замужестве Вареньки, - это «сверхсимвол со многими смыслами материального и духовного содержания (здесь и далее курсив Е. Быстровой – В.А.)» [4, с. 82], квинтэссенция (пока еще не вполне осознанного) бунта Макара против мешанской действительности со всеми ее приметами. В последнем его письме, в этом «монологе, зависающем в пространстве экзистенции, осознании потери собственного

места на земле и утраты смысла самого существования» (Е. Быстрова) уже определенным образом звучат голоса великих нигилистов Достоевского, таких как Свидригайлов («Преступление и наказание»), Ипполит («Идиот»), Ставрогин («Бесы»). О том, насколько важны здесь эмоциональные концепты, свидетельствует комментарий Е. Быстровой: «Последнее «письмо» героя написано как бы в лихорадке, в предельном отчаянии, его языку свойственна горячность, неровность стиля. В нем – взлет экзатичности, которая станет и в дальнейшем ощутимой чертой эмотивности *авторской манеры* в целом. Именно здесь, в этом раннем романе Достоевского сформировался его *стиль* и его кредо» [4, с. 82].

Н. Д. Арутюнова в статье «Стиль Достоевского в рамке русской картины мира» обращает особое внимание на синтаксис неуправляемых действий в идиостиле писателя и на основании своих наблюдений заключает, что «в текстах Достоевского стилеобразующую функцию выполняют профилирующие черты русского языка, отражающие некоторые свойства национального характера и менталитета» [1, с. 868]. Среди последних названы стихийность, открытость и незавершенность. Действительно, персонажам Достоевского, их письму (как это демонстрирует роман «Бедные люди») все перечисленные качества свойственны. Однако для самого писателя они играют важную эстетическую роль, связанную со становлением и преобразованием цельного характера литературного героя, что и было показано при рассмотрении функционального аспекта эмотивных конструкций в тексте романа «Бедные люди».

Роман «Бедные люди» был написан задолго до прославленного «Пятикнижия» Достоевского. Тем не менее, и Раскольников, и князь Мышкин, и Алеша Карамазов, вместе со многими другими унаследуют от Макара и Вареньки эту склонность изливать в напряженных монологах и диалогах самые сокровенные мысли, чувства и переживания, вслушиваться в них и преобразовывать в соответствии с ними свое внутреннее Я. Открытие Достоевского-психолога состояло в максимальном обобщении, типизации черт внутренней (в т.ч. эмоциональной) жизни своих героев, выведений противоречий человеческой психики на уровень глубинных экзистенциальных вопросов, предельных душевных и духовных состояний.

РЕЗЮМЕ

У статті розглянуто мовні засоби вираження емоцій, семантичні та функціональні особливості їх концептуалізації у художньому дискурсі Ф.М. Достоевського. На матеріалі роману «Бедные люди» автор розкриває зв'язок емотивів із найважливішими текстопороджувальними домінантами та константами, що характеризують мовну особистість письменника. На основі проаналізованої специфіки семантичної структури, а також функціонально-стильового забарвлення укладено семантичну класифікацію емотивних конструкцій у тексті роману «Бедные люди».

Ключові слова: художній дискурс, ідіостиль, мовна картина світу, емотивна конструкція.

SUMMARY

The article discusses the linguistic means of expressing emotions, the semantic and functional features of their conceptualization in the literary discourse of Dostoevsky. Based on the novel «The Poor People» («Bednye ludi») the author reveals the emotives' connection with the most important text-generative dominants and constants, characterizing the linguistic identity of the writer. On the basis of analyzed specific of semantic structure and functional-style painting, the semantic classification of emotive structures in the text of the novel «The poor people» is made up.

Key words: literary discourse, idiostyle, language conception of the world, emotive construction.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Арутюнова, Н. Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М. : Языки русской культуры, 1999. – С. 862—873.
2. Караулов, Ю. Н. Русская речь, русская идея и идиостиль Достоевского [Текст] / Ю. Н. Караулов // Русский язык. Изд-во «Первое сентября». – №39 (303). – 2001. – С. 5–9.
3. Джанлоренцо, П. Духовное завещание Достоевского [Текст] / Джанлоренцо Пачини // Известия АН СССР: Серия литературы и языка. – 1990. – Т. 49. – С. 332.
4. Бистрова, О. Поетикальна парадигма романної прози Ф. Достоевського в аспекті теоретичних ідей Д. Чижевського [Текст] / Олена Бистрова. – Тернопіль – Дрогобич : «Швидкодрук», 2010. – 392 с.
5. Зеньковский, В. История русской философии [Текст] / В. Зеньковский. – М. : Академический Проект, Раритет, 2001. – 880 с.
6. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. [Текст] / Анна Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
7. Ожегов, С. И. Словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов. – Изд. 6-е, стереотип. – М. : «Советская энциклопедия», 1964. – 900 с.
8. Апресян, Ю. Д. Системная лексикография. Метафора в семантическом представлении эмоций [Текст] / Ю. Д. Апресян // Ю. Д. Апресян Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. — М. : Языки русской культуры, 1995. – С. 453-466.
9. Шаховский, В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность [Текст] / В. И. Шаховский // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград : Волгр. пед. ин-т, 1990. – С. 65–75.
10. Современный русский язык / под ред. В. А. Белошапковой. – М. : Высш. школа, 1981. – 560 с.
11. Апресян, Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый вып. [Текст] / Ю. Д. Апресян, О. Ю. Богуславская, И. Б. Левонтина, Е. В. Урысон, М. Я. Гловинская, Т. В. Крылова / Под общим рук. акад. Ю. Д. Апресяна. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1997. – 1488 с.
12. Достоевский, Ф. М. Бедные люди. Белые ночи. Неточка Незванова [Текст] / Ф. М. Достоевский. – М. : Дрофа, 2003. – 432 с.
13. Чичерин, А. В. Очерки по истории русского литературного стиля [Текст] / А. В. Чичерин. – М. : Худ. литература, 1977. – 445 с.
14. Лурье, С. Разговоры в пользу мертвых [Текст] / С. Лурье. – Урби : Литературный альманах. Выпуск тринадцатый. – Серия «Новые записные книжки» (2). – СПб. : АО «Журнал «Звезда», 1997. – 248 с.
15. Блум, Г. Західний канон: книги на тлі епох [Текст] / Гарольд Блум. – К. : Факт, 2007. — 720 с.

Надійшла до редакції 09.10.2013 р.